

УДК 342.2; 316.012; 316.4; 94; 94 (3)
DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-258-270

Порядки европейского Средневековья: механизмы воспроизводства стабильности

Н. С. Розов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Модель коэволюции социального, ментального и функционального порядков применяется для эскизного объяснения относительной стабильности западноевропейского Средневековья (до начала XVI в.). Показано, что стабильность средневековых порядков зиждется на нахождении релевантных обеспечивающих структур для главных предметов заботы правителей и элит: мобилизации военной силы, поддержания достойного уровня своего благосостояния и подчиненности низших эксплуатируемых слоев. Множественные конфликты между императором, королями, князьями, рыцарями, горожанами (мещанами) и крестьянством не подрывали, а укрепляли установленные порядки, поскольку борьба шла за занятие лучших мест в той же социальной структуре.

Ключевые слова

социальный порядок, ментальный порядок, функциональный порядок, коэволюция порядков, Средневековье, социальная стабильность, папство

Для цитирования

Розов Н. С. Порядки европейского Средневековья: механизмы воспроизводства стабильности // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 258–270. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-258-270

© Н. С. Розов, 2019

Orders of European Middle Ages: The Mechanisms of Stability Reproduction

N. S. Rozov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk State University
Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The model of the coevolution of the social, mental and functional orders is used for a sketchy explanation of the relative stability of the Western European Middle Ages (until the beginning of the 16th century). It is shown that the stability of the medieval order is based on finding the relevant supporting structures for the main objects of concern for rulers and elites: mobilizing military force, maintaining a decent level of their well-being and subordination of the lower exploited strata. Multiple conflicts between the emperor, kings, princes, knights, townspeople (bourgeois) and the peasantry did not undermine, but strengthened the established order, as far as rivals tried to occupy the best places in the same social structure.

Keywords

social order, mental order, functional order, co-evolution of orders, the Middle Ages, social stability, papacy

For citation

Rozov N. S. Orders of European Middle Ages: The Mechanisms of Stability Reproduction. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 258–270. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-258-270

Стабильные порядки европейского Средневековья

Каждая относительная стабильность в обществе предполагает более или менее гармоничное соответствие между *социальным порядком* (типовые взаимодействия, отношения, организации и институты как совокупности правил и ожиданий поведения людей в занимаемых позициях), *ментальным порядком* (типовые габитусы и установки живущих людей, во многом определяющие их поведение, основанные на воспринятых при инкульту-

рации и социализации транслируемых в поколениях образцах) и *функциональным порядком* (динамическая взаимосвязь между предметами заботы – гомеостатическими переменными, активностью обеспечивающих структур, издержками в широком смысле и напряжениями, наносящими ущерб предметам заботы). Модель коэволюции социальных, ментальных и функциональных порядков изложена в работе [Розов, 2018].

В данной статье эта модель опробуется на материале европейского Средневековья, которое характеризуется относительно стабильными порядками до 1520–1540 гг., когда разворачиваются подрывающие эту стабильность процессы Реформации.

Здесь намеренно упускается из виду сложность порядков, связанная со страновым разнообразием, с беспрестанными изменениями, конфликтами, пертурбациями внутри средневековой Европы, с наличием реликтов прежних эпох и ростков нового, с неоднозначностью точек зрения и т. п.

Более того, лежащие в основе средневековых порядков единство веры и церковной организации, единственность Империи и единый принцип феодального патронажа (с обрядами типа оммажа) представляются не столько «объективными характеристиками» обществ, сколько нормативными ментальными стереотипами того времени, идеями о том, «как должно быть», «как правильно». Иными словами, указанные средневековые единства являются не только удобной теоретической моделью для современного исследователя, но также предположительно общими нормативными установками самих средневековых людей, которые при столкновении с нарушениями этих единств воспринимали эти отклонения как порочные – «ценностно незаконные», богопротивные, подлежащие устранению или исправлению, и / или как случайные, временные, незначимые – «онтологически не существующие» [Блок, 2003; Гуревич, 2007].

Единство веры, церкви и Империи

В рамках данного идеального типа единственно правильная вера – только христианство, причем в католическом изводе. Остальные религии

понимались либо как реликты, подлежащие непременно преодолению, христианизации (язычество), либо как странные, ошибочные и даже враждебные религиозные заблуждения, с которыми следует бороться, когда есть силы, или временно смиряться, когда победить их нет возможности (православие, мусульманство). Сила веры, значимость ее в жизни, приверженность молитвам и обрядам могли существенно меняться от страны к стране, от сословия к сословию, но стремление сохранить религиозное единство оставалось доминирующим принципом даже в последующих попытках примирения католичества и протестантизма в 1520–1540-х гг. [Дэвис, 2005].

Единую международную церковную организацию представляло папство с подчиненными кардиналами и епископами, клиром нижних уровней. Опять же вплоть до середины XV в. такие события и процессы, как «Авиньонское пленение», Великий Раскол с враждующими папами и анти-папами, войны с участием пап и против пап, в том числе за захват Папской области, не приводили к сомнениям в самой правомерности церковного верховенства пап.

На большей части Европы не ставилась под сомнение единственность Империи¹, где бы ни находилась ее столица (Рим, Константинополь, Вена). Отсюда и средневековое название «Священная Римская империя», хотя столица ее уже была не в Риме [ван Кревельд, 2006; Тилли, 2009; Коллинз, 2015].

Сеньораж и серваж в основе социального порядка

Нормативному единству Империи соответствовало и определенное единство во властных и социально-экономических отношениях. Завершая свой труд «Феодальное общество», основатель славной исторической шко-

---

¹ Французский король Франциск I, не сумев возглавить Империю на выборах, в 1519 г. объявил себя «императором в своих владениях». Это заявление не поколебало общего представления о единстве Империи, но стало началом противоборства Французской монархии против нее.

лы «Анналов» Марк Блок перечисляет основные черты европейского феодализма:

зависимость крестьян; за неимением возможности оплачивать труд деньгами, вознаграждение за службу землей, что, по существу, и является феодем; превосходство сословия воинов-рыцарей; отношения повиновения и покровительства, связывающие человека с человеком в воинском сословии, являясь вассальными отношениями в наиболее чистом виде; провоцирующее беспорядок распыление власти; сосуществование с этими другими социальными структурами в ослабленном виде: государства и родственных отношений (во второй период феодализма государство вновь набирает силу) [2003. С. 434].

Каждый человек должен был быть «чей-то». Это относилось не только к крестьянам, рыцарям, их сюзеренам вплоть до князей, королей и Императора. Высшие церковные чины также считались князьями, нередко имели свои вооруженные силы. Естественным образом их линия сеньоража восходила к Папе, однако Император, а также местные правители, особенно могущественные короли, также требовали от духовных лиц оммажа, хотя и с разным успехом [Там же. С. 343].

Сеньораж обычно включал установление отношений по всем четырем социальным универсалиям – «источникам власти», по М. Веберу и М. Манну: сила, политическая власть, престиж и богатство:

- сеньор (патрон, сюзерен) обязан защищать «своего человека» (клиента, вассала), но тот обязуется поставлять бойцов, оружие, прочие ресурсы патрону, когда тот ведет войну;
- сеньор имеет право приказывать вассалу, а тот обязан подчиняться;
- вассал публично выражает свое почтение сеньору, признавая его верховенство, а сеньор принимает эти знаки уважения и демонстрирует свое благосклонное покровительство;
- сеньор одаривает вассала разными способами и в разном объеме (от кубка до земель и замков), но само благосостояние сеньора во многом складывается из регулярного сбора ресурсов (иногда в денежной форме) со своих вассалов.

Отношения сеньоража, возобновляясь и обновляясь при смене поколений, образовывали сословия со своими внутренними иерархиями, а также

относительно устойчивые *патримонии*, опять же объединявшие силовые, политические, престижные и экономические аспекты могущества.

Серваж как аналог крепостной зависимости крестьян от землевладельцев первоначально относился к рабам (преимущественно пленным и их потомкам).

Иметь покровителя-сеньора не казалось в те времена ущемлением свободы. Кто же его не имел? Но по понятиям того времени, свобода кончалась там, где не существовало возможности выбирать, поскольку хотя бы один раз в жизни человек мог совершить свой выбор. Другими словами, любая связь, переходящая по наследству, воспринималась как признак рабства. Неразрывная связь, на которую ребенок был обречен еще «в животе матери», и была самой главной тяготой традиционного рабства. Почти физическое ощущение этой несвободы содержится в выражении «слуга плотью и кровью», которое в народном языке появилось как синоним раба [Блок, 2003. С. 255].

Церковь и Империя как средства легитимации господства

Нетривиальной задачей является соотнесение центральных институтов такого рода с функциональным порядком.

Когда церковная организация (в нашем случае – католическая церковь во главе с Папой) уже давно учреждена и институционально устоялась, то ее сохранение и укрепление естественным образом является предметом заботы (гомеостатической переменной) как для церковного руководства и клира, так и влиятельных, солидарных и сотрудничающих с церковью сословий (в Средние века – это, прежде всего, аристократы-землевладельцы, от королей и князей до рыцарей).

Но всегда ли так было? В общей теоретической перспективе институты и воплощающие их организации (армии, школы, университеты, библиотеки, бюрократические ведомства, банки, биржи, цеха, фабрики, фирмы) складываются и строятся в качестве обеспечивающих структур для соответствующих предметов заботы и стратегий: обороняться и завоевывать, учить, хранить книги, управлять государством, кредитовать и инвестировать, продавать, производить и т. д.

С этой точки зрения централизованная церковная иерархия с папством во главе, ведущим преемственность от апостола Петра, складывалась как обеспечивающая структура для легитимации духовного управления паствой, т. е. всем тогдашним населением *Pax Christiana*. Вполне аналогично институт Империи и Императора, ведущий (или претендующий на) преемственность от Римской империи, был нужен в качестве легитиматора королей и князей, т. е. для подтверждения их права на политическое (светское, мирское) господство.

Опять же вполне закономерным процессом является «сдвиг цели на средство», что в макросоциальных процессах предстает как «превращение обеспечивающей структуры в самостоятельный предмет заботы». Сохранение и укрепление папства и Империи становятся не только важнейшей целью для лиц, занявших верховные позиции, и их ближайшего окружения, но также заботой об этих символических святынях для представителей нижележащих этажей церковной и феодальной иерархии. Институт присяги на верность и ритуал оммажа, практики церковного управления, военно-политической мобилизации вассалов, индоктринации в храмах и учебных заведениях служили уже обеспечивающими структурами для укрепления соответствующих верховных властей как новых предметов заботы.

Любопытно, что в обеих структурах оставалась двойственность, что выразилось в выборности кардиналами нового папы и выборах курфюрстами нового императора [Коллинз, 2015].

Средневековые сословия: господствующий союз насилия и религии

В ученых самоописаниях средневекового общества наиболее популярным было разделение на три «разряда», «сословия» (*ordines*): *молящиеся* (священники, монахи), *сражающиеся* (аристократия от рыцарей до князей, королей и Императора) и *трудящиеся* (крестьяне).

Почему же столь большую значимость имели первые два: молящиеся и сражающиеся? Почти полное отождествление аристократии с воинами означает огромную роль насилия и слабый контроль над насилием.

Опасность угрожала каждый день и угрожала каждому. Она грозила имуществу, грозила жизни. Этой опасностью были войны, убийства, злоупотребление силой [Блок, 2003. С. 402–403].

Каждый член благородного сословия либо воевал, либо готовился к войне, либо грабил, либо оборонялся от грабежей, а нередко все вместе. В недолгие мирные периоды главными развлечениями аристократии были рыцарские поединки или охота, т. е. занятия, опять же связанные с насилием и оружием. Слава, престиж, столь значимые для благородного сословия, достигались в первую очередь подвигами на поле битвы. Кроме того, само благосостояние аристократии было основано в конечном счете на насилии, угрозе насилия или пользовании плодами прошлого насилия [Блок, 2003. С. 403; Мак-Нил, 2008].

Доминирование духовенства в ту эпоху обычно кажется естественным из-за пресловутой особой религиозности средневекового человека, которая будто бы не нуждается в объяснении. Заметим отсутствие свидетельств о какой-то особо истовой или массовой религиозности рыцарей и их сеньоров. Разумеется, все они были верующими христианами, но реальные их заботы касались не столько благочестия, праведности и спасения души, сколько вполне земных реалий, связанных с войной, могуществом, престижем, династическими и брачными интригами, строительством замков, светскими развлечениями. Обвинения аристократии в «забвении Бога» и жадности до земных благ – постоянная тема тогдашних церковных проповедей и нравоучительных книг [Гуревич, 2007. С. 422].

В проповедях четко сказано, что беднякам уготовано «вечное царство» после смерти. *Тяжелый принудительный труд, бедность, притеснения лучше всего сочетаются с надеждами на загробное благоденствие.* Священники здесь выполняли важнейшую функцию утешения, а также крайне важную для аристократии задачу контроля над сознанием простого люда. По этой причине союз землевладельцев и духовенства был настолько

прочным, что пережил Реформацию и последующие потрясения, сохранившись в сельских окраинах Европы и по сию пору.

Тесный союз между первыми двумя сословиями был обусловлен также прямой взаимной заинтересованностью, взаимными услугами, что коротко можно обозначить как *обмен легитимности на защиту и дары*.

Успех аристократа-сеньора зависит от количества, значимости и верности его вассалов. Но почему они должны его выбрать сюзереном, а не другого? Разумеется, семейная традиция, родовитость, военный и политический престиж, богатство оставались важными факторами, однако признание достоинств каждого сеньора со стороны церкви, в руках которой оставались важнейшие ритуалы жизненного цикла (крещение, конфирмация, заключение браков, похороны) никак нельзя преуменьшать. В ответ благородные воины, вельможи, князья и короли одаривали церковных иерархов и монастыри землями, защищали их имущество. Связь укреплялась обычной практикой того времени: младших сыновей, которым не досталось наследства, определяли для духовной карьеры, где они получали достойный образ жизни и поддерживали взаимовыгодные отношения со своими семьями и кланами.

В терминах функционального порядка такой тесный симбиоз представляет собой двойную структуру: главные *предметы заботы* одного сословия (социальный статус, оправданность власти для аристократии, безопасность, сохранность имущества и благосостояние для клира) получают *обеспечение от структур и практик* вступившего с ним в социальный симбиоз другого сословия (легитимирующие ритуалы, утверждающие причастность знати христианским святыням со стороны духовенства, утверждение порядка церковных податей, предоставление монастырям военно-политической защиты и земельных владений со стороны знати).

Согласно рассматриваемой модели, для социальной стабильности наряду с гармоничным устройством социального и функционального порядков также требуется, чтобы участники взаимодействия – живые индивиды и группы – имели ментальности (комплексы габитусов и установок), позволяющие им без особых трений и напряжений включаться в эти порядки.

Здесь особый интерес вызывает обеспечение подчиненности и послушания третьего сословия – простолюдинов.

Ментальный порядок: покорность сословному предназначению

Установки, управляющие сознанием и поведением средневекового человека, могут быть реконструированы из текстов проповедей и богоугодных книг с поправкой на их нормативный, моралистический характер.

Пастве, прежде всего, внушалось представление о временном, сугубо подготовительном характере земной жизни, за срок которой следует безропотно выполнять свое предназначение, готовить душу к спасению и вечному блаженству.

«Философская антропология» проповедников может быть резюмирована «примером» о короле, вопрошавшем некоего мудреца. Он задал ему пять вопросов. Первый: «Кто человек?» Ответ: «Слуга смерти, гость, путник, прохожий». Второй вопрос: «Кому подобен человек?» – «Снегу, который немедленно тает при малейшем тепле». Третий вопрос: «Каков образ существования человека?» – «Свеча на ветру, гаснущая быстро, подобно искре, пена, поглощаемая морем». Четвертый вопрос: «Где человек?» – «Во всякого рода борении: внутри него идет война из-за сокрушений совести, вокруг него идет борьба из-за вещей, которых он жаждет». Пятый вопрос: «Каковы товарищи человека?» – «Их семеро: голод, жажда, жара, холод, усталость, болезнь и смерть» [Гуревич, 2007. С. 417].

Сомнительно, чтобы аристократия глубоко проникалась такими проповедями, скорее, поддерживала их с важным видом (традиционно в сельских церквях по бокам от амвона располагались богатые ложи для местной знати).

Не то чтобы и подневольные крестьяне (сервы) во всем верили пастырям и вели богоугодную жизнь. За грубость нравов, распутство, неуплату податей (особенно церковной десятины) проповедники не уставали укорять крестьян. Нередкие бунты, крестьянские войны не свидетельствовали о полной покорности. Однако сам сохраняющийся и восстанавливающийся после волнений социальный порядок, сугубо религиозные идеи и мотивы

вы восстаний (включая последующую Реформацию) говорят о том, что средневековое сознание, по крайней мере, низших и средних страт, действительно было пронизано верой, надеждами на вечную жизнь после смерти и признанием необходимости выполнять свое предназначение («должность»).

Надежда на спасение лучше всего проникает в сердце, пораженное страхом неизбежного возмездия за грехи после смерти. Можно только позавидовать риторической мощи и остроумию проповедников в том, чтобы убедить паству в поджидающих кругом кознях дьявола.

Жак де Витри пишет, что дьявол породил от своей жены – грязнейшей и похотливейшей особы – девять дочерей и выдал их за разные классы людей: симонию – за прелатов и клириков; лицемерие – за монахов и лжемонахов; грабеж – за рыцарей; ростовщичество – за горожан; мошенничество – за купцов; святотатство – за крестьян, не платящих десятину; нечестную службу – за работников; богатство и излишество в одежде – за женщин. Девятая же дочь дьявола, похоть, замуж ни за кого не вышла, но отдается всем как подлая проститутка [...] Проповедник не щадит никого, ибо все классы и разряды общества сверху донизу совращены дьяволом и его дочерьми [Гуревич, 2007. С. 426].

Единство веры и церкви обуславливали почти полное подчинение сознания и поведения верующих церковным предписаниям и духовному управлению пастырей. Это означает не отсутствие непослушания, отклонений, а почти общую их квалификацию как «греховности» и «ереси» с соответствующими достаточно суровыми санкциями.

Итак, подкреплено общее положение модели коэволюции порядков: при надежной нейтрализации напряжений и угроз благодаря консолидации элит и эффективном контроле за сознанием и поведением низших слоев и классов приемлемое для влиятельных групп состояние предметов заботы восстанавливается даже после острых конфликтов и войн [Розов, 2018]. Как известно, единство *Pax Christiana* и стабильность европейского общества потерпели крушение в результате Реформации и религиозных войн XVI–XVII вв. Пока трудно сказать, достаточно ли гибкая и понятийно богатая модель коэволюции порядков для объяснения данных процессов. Но это уже предмет самостоятельного исследования.

Список литературы / References

- Блок М.** Феодалное общество / Пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
Block M. Feodalnoe obschestvo [Feudal Society]. Moscow, Sabashnikovy Publ., 2003. (in Russ.)
- Гуревич А. Я.** Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 544 с.
Gurevich A. Ya. Izbrannye trudy. Kultura srednevekovoi Evropy [Selected Works. Culture of Medieval Europe]. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Publ., 2007. (in Russ.)
- Дэвис Н.** История Европы. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.
Davis N. Istoriya Evropy [A History of Europe]. Moscow, AST: Transit, 2005. (in Russ.)
- Коллинз Р.** Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.
Collins R. Makroistoriya. Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti [Macro-history: Essays in Sociology of the Long Run]. Moscow, URSS Publ., 2015. (in Russ.)
- Кревельд М. ван.** Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006.
Creveld M. van. Rascvet i upadok gosudarstva [The Rise and Decline of the State]. Moscow, IRISEN Publ., 2006. (in Russ.)
- Мак-Нил У.** В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего, 2008.
McNeil W. V pogone za mosch'yu. Tehnologiya, vooruzhennaya sila i obschestvo v XI–XX vekah [The Pursuit of Power. Technology, Armed Forces, and Society in the 11–20 centuries]. Moscow, Territoriya buduschego Publ., 2008. (in Russ.)
- Розов Н. С.** Козволюция трех порядков – объяснение динамики российских циклов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 12–22.
Rozov N. S. Koevol'yutsiya treh poryadkov – ob'yasnenie dinamiki rossii-skih tsiklov [The Co-evolution of Three Orders: The Explanation of the

Russian cyclical dynamics]. *Sociological Studies*, 2018, no. 9, p. 12–22. (in Russ.)

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009.

Tilly Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva, 990–1992 gg. [Coercion, Capital and European States, 990–1992]. Moscow, Territoriya buduschego Publ., 2009. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

01.07.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия); заведующий кафедрой Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия); профессор Новосибирского государственного технического университета (пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия)

Nikolai S. Rozov, Doctor of Science (Philosophy), Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Head of Department, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Professor of Novosibirsk State Technical University (20 Karl Marx Ave, Novosibirsk, 630073, Russian Federation)

nrozov@nsu.ru